

УДК 94(476)

Александр Леонидович Даркович

канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Брестского регионального центра
Научно-исследовательского экономического института
Министерства экономики Республики Беларусь

Aleksandr Darkovich

PhD in History, Senior Research Fellow of the Brest Regional Center of Research Economic Institute
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus

e-mail: alexdarkovich@mail.ru

ГОРОДА ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920–1930-е гг.: РОЛЬ И ФУНКЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

В 1920–1930-е гг. города Западной Беларуси были преимущественно административно-политическими образованиями. При общей экономической отсталости региона свою функцию торгового, промышленного и культурного центра сельской округи западнобелорусские города выполняли в незначительной мере. Перспективы их хозяйственного развития практически отсутствовали: источники доходов органов городского самоуправления были крайне ограничены, они не имели возможности осуществлять масштабные капиталовложения, государственные инвестиции были незначительными, частный капитал в регион не инвестировал. Все это исключало возможность успешного развития городов.

Ключевые слова: Западная Беларусь, города, сельскохозяйственная округа, административные, экономические и культурные центры.

West Belarus Towns during the 1920–1930s: Role and Functions in the Socio-economic and Cultural Life of the Region

West Belarus towns were largely administrative and political centers. Against the background of region's economic backwardness, they performed their function as a commercial, industrial and cultural center of the rural area to a very limited extent. At the same time, there were almost no prospects for the economic development of West Belarus towns during the interwar period. The sources of income of the municipal self-government were extremely limited and they did not have the opportunity to make any large-scale investments. State investments were insignificant, private capital also avoided the region. That factors excluded the possibility of successful urban development.

Key words: Western Belarus, towns, agricultural area, administrative, economic and cultural centers.

Введение

Одной из практически не изученных тем межвоенной истории Западной Беларуси остается развитие городов. В статье анализируются роль и функции, которые западнобелорусские города выполняли в социально-экономической и культурной жизни региона на протяжении 1920–1930-х гг., предлагается оценка влияния характерных особенностей их административного, экономического и культурного положения на результативность усилий польских властей по полонизации региона.

Основная часть

Важные характерные черты развития Западной Беларуси на протяжении межвоенного периода определяли характер выполняемых городами функций. Белорусские земли в составе межвоенной Польши явля-

лись отсталым сельскохозяйственным регионом с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности. На фоне общей экономической отсталости города лишь в незначительной мере выполняли функцию хозяйственного центра сельской округи. Их значение во многом сводилось к административно-политической функции, т. е. в первую очередь они представляли собой центры управления регионами. Одновременно национальная разобщенность между деревней и городом приводила к тому, что последний практически не выступал в роли культурного центра притяжения для окрестной территории.

Западнобелорусский город практически не выступал в роли торгового центра. Городская торговля зависела от ситуации в аграрном секторе – основной отрасли экономики, а ее главными предметами бы-

ли сельскохозяйственная продукция, древесина и продукты их переработки. Редкая сеть городов, а также слабое развитие коммуникаций приводили к тому, что торговля охватывала лишь небольшое число ближайших к городам и железнодорожным станциям деревень [1, с. 169–170]. Значительная часть белорусских крестьян вела хозяйство, мало чем отличавшееся от натурального, ограничивая свои покупки инвентарем и некоторыми товарами первой необходимости (соль, спички, керосин) и предлагая собственную продукцию на рынок в ограниченном объеме (в условиях аграрного перенаселения и малоземелья многие крестьянские семьи не могли обеспечить даже собственные потребности в продовольствии). Это означало, что белорусская деревня обеспечивала минимальный спрос на продукты местной промышленности и ввозимые в регион товары и минимальное предложение сельскохозяйственной продукции. Ориентированные на рынок крупные помещичьи хозяйства из-за узости внутреннего рынка обычно вывозили свою продукцию за пределы региона, минуя посреднические услуги городов. Более того, в результате сохранения сельского характера городской застройки среди горожан были широко распространены сельскохозяйственные занятия. В западнобелорусских городах преобладала деревянная застройка сельского типа, кирпичными зданиями была застроена, как правило, только центральная часть более крупных городов. В частности, в городах Новогрудского и Полесского воеводств кирпичными были 13–14 % домов [2, с. 8]. Сотрудник Виленского университета географ В. Ревеньская в отношении городов восточных воеводств подчеркивала слабую степень урбанизации городских поселений. По ее свидетельству, за пределами небольшого по размерам центра проявлялось преобладание сельского элемента над городским: «Понятие города отрицают раз за разом встречаемые немощные улицы, обширные дворы, огороды, кустарники и хлебные поля» [3, с. 107–108]. В итоге города в значительной степени сами обеспечивали себя продовольствием, что также уменьшало их значение в роли рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Так, по данным переписи 1931 г., в Полесском воеводстве сельским хозяйством в качестве основного вида деятельности занимались

14,3 % горожан, в Новогрудском – 11,5 % [4, с. 57; 5, с. 63]. Многие из городских жителей, работавших в других сферах, занимались огородничеством на приусадебных участках.

Во второй половине XIX – начале XX в. многие белорусские города благодаря своему выгодному географическому положению и интенсивному железнодорожному строительству стали центрами транзитной торговли между центральными великорусскими губерниями и польскими землями и западноевропейскими странами, что являлось важным стимулом их развития. В межвоенные годы выгоды, которые западнобелорусские города могли извлечь из своего географического положения, были перечеркнуты отсутствием нормальных экономических отношений Польши с СССР и Литвой. Транзитная торговля замерла. Также Западная Беларусь оказалась на периферии основных портов и производственных и потребительских центров Польши, что, учитывая высокие тарифы на железнодорожный транспорт, приводило к удорожанию ввозимых сюда промышленных товаров и падению цены вывозимой сельскохозяйственной продукции [1, с. 487–488]. Это также вело к падению торговых оборотов.

Западнобелорусские города не были центрами промышленного производства, в минимальной степени выполняя функцию обеспечения сельской округи необходимыми промышленными товарами. Во второй половине XIX – начале XX в. развитие транзитной торговли стало важным стимулом индустриализации многих белорусских городов. Однако те скромные успехи, которые были достигнуты на этом пути, свела практически к нулю Первая мировая война. Военные разрушения в период немецкой оккупации в 1915–1918 гг., а затем польско-советской войны в 1919–1920 гг. опустошили край, усугубив сложившуюся ранее общую хозяйственную отсталость. За эти годы промышленность почти полностью перестала существовать. На все межвоенное двадцатилетие индустриализация Западной Беларуси фактически прерывается. После включения в состав Польши она была вынуждена перестраивать свою хозяйственную жизнь в соответствии с потребностями внутреннего польского рынка, что привело к упадку ряда отраслей промышленности (текстильной, табачной, ликеро-водочной).

Доминирующей отраслью стала лесная, за ней по значимости шли добыча полезных ископаемых и пищевая промышленность.

По уровню индустриального развития регион серьезно отставал от этнически польских воеводств. К примеру, в 1937 г. на четыре восточных воеводства (межвоенная польская статистика относилась к ним Виленское, Новогрудское, Полесское и Волыньское), в которых проживало 17,5 % населения страны, приходилось лишь 4,9 % промышленных рабочих в Польше [6, с. 12, 239] и 1,1 % производимой электроэнергии [7, с. 116]. Крупные фабричные предприятия исчислялись единицами, в частности, в Полесском воеводстве к фабричной промышленности можно было отнести пять заводов, занимавшихся обработкой дерева [8, с. 53–54]. Преобладали мелкие кустарные предприятия, в целом производство отличалось технической отсталостью. Доминирующая лесобрабатывающая отрасль ориентировалась на вывоз продукции за пределы региона, лесоматериалы на месте проходили лишь первичную обработку или вывозились в необработанном виде. В промышленности было занято 7,9 % жителей в Полесском воеводстве и 7,1 % в Новогрудском [4, с. 57; 5, с. 63].

Неблагоприятными факторами для развития промышленности была бедность населения, имевшего незначительный спрос на промышленную продукцию (по оценке польского исследователя Я. Орынжины, в Полесском воеводстве потребность в непродовольственных товарах на 80 % удовлетворялась домашним ремеслом [8, с. 70]), неразвитость коммуникаций и отсутствие значительных залежей полезных ископаемых. Малая емкость рынка, отсталая инфраструктура, а также риски, исходившие от пограничного положения в условиях напряженных польско-советских отношений, не способствовали частным инвестициям.

Общественные инвестиции также были незначительными. Финансовое состояние городского самоуправления в Западной Беларуси на протяжении большей части межвоенного периода являлось критическим, что позволяло ему лишь частично удовлетворять текущие нужды и в небольшой степени осуществлять капиталовложения для преодоления отсталости. При этом практически любые инвестиции осуществлялись в кредит, а обслуживание задолжен-

ности нередко становилось неподъемной ношей для скромных бюджетов муниципальных властей. В конце 1930-х гг. три города Полесского воеводства (Бережа-Картузская, Лунинец и Ружаны) не могли выполнять свои финансовые обязательства, пять городов (Высоко-Литовск, Давид-Городок, Каменец-Литовск, Коссово и Столин) могли рассчитываться по кредитам только за счет отказа от выполнения своих основных обязанностей; четыре города (Брест, Кобрин, Пинск и Пружаны) могли выполнять свои функции [9, л. 74]. В Новогрудском воеводстве муниципальные власти не были функциональными в четырех из десяти городов [10, с. 67].

Польское государство вкладывало минимальные средства в развитие региона. К примеру, по состоянию на март 1931 г. на города восточных воеводств приходилось 6,3 % общей суммы государственных субвенций и 4,4 % долгосрочных кредитов государственных кредитных учреждений, предоставленных городам Польши [11, с. 13]. На протяжении середины – второй половины 1930-х гг. основная часть средств, выделявшихся из государственного бюджета на инвестиции, распределялась через Фонд труда. В 1933/34 финансовом году на четыре восточные воеводства пришлось лишь 4,8 % сумм, направленных Фондом труда на общественные инвестиции [12, с. 177]. В середине 1930-х гг. объем капиталовложений в восточные воеводства из Фонда труда увеличился: в 1935/36 финансовом году он составил 6,9 млн злотых, в 1936/37 г. – 7,7 млн злотых (в 1933/34 г. – 2,4 млн). По отношению к общей сумме инвестиций в стране эти цифры составляли: в 1934/35 г. – 8,4 %, в 1935/36 г. – 7,9 %, в 1936/37 г. – 8,1 %, что по-прежнему находилось в сильной диспропорции с удельным весом региона в численности населения Польши. В конце 1930-х гг. инвестиции в восточные воеводства вновь сократились: в 1937/38 г. через Фонд труда было направлено 5,1 млн злотых, или 7,1 % от общепольского показателя [7, с. 274; 13, с. 286].

В соответствии с 4-летним инвестиционным планом на период с июля 1936 г. по июнь 1940 г. инвестиции из Фонда труда в Виленское воеводство должны были ежегодно составлять 5 850 тыс. злотых. В реальности же соответствующие капиталовложения в 1937/38 финансовом году со-

ставили 860 тыс. злотых [14, с. 197, 200], притом что в масштабе страны предусмотренные инвестиционным планом показатели были перевыполнены. В соответствии с меморандумом, подготовленным управлением Полесского округа Товарищества развития восточных земель на имя премьер-министра Польши в конце 1936 г., послевоенное восстановление Полесского воеводства ограничилось строительством зданий для органов государственной администрации при практически полном отсутствии капиталовложений в производство и транспортную инфраструктуру. По мнению авторов меморандума, такая ситуация «приводила и продолжает приводить к увеличению опасной... экономической пропасти, которая образовалась между нашими восточными землями и остальной Польшей» [15, с. 6]. По свидетельству вице-президента Вильно Т. Нагурского, за период с 1920-х до середины 1930-х гг. экономическое отставание городов восточных воеводств от остальных территорий еще более увеличилось: «Если восточные города за 18-летний период польского самоуправления не подняли свое хозяйство на соответствующий уровень, то произошло это по причине нищеты жителей и следующего из этого плохого состояния коммунальных финансов. Помощь со стороны Польского государства была недостаточной, т. к. была значительно меньше, чем средняя кредитная помощь для городов всей Польши» [11, с. 12–13].

Экономический застой отразился на динамике численности жителей западнорусских городов. В большинстве из них до конца межвоенного периода она не достигла довоенных показателей. Так, в Гродно, население которого накануне Первой мировой войны составляло 61,6 тыс. человек, в 1939 г. насчитывалось 50–55 тыс. жителей; в Бресте проживало соответственно 57,3 и 53,3 тыс. человек, в Пинске – 39 и 36,7 тыс. человек (на 1938 г.), в Барановичах – 30 и 27 тыс. человек, Волковыске – 18,9 и 14,9 тыс. человек, Слониме – 28,4 и 26,7 тыс. человек.

В 1913 г. доля городского населения на белорусских землях в целом равнялась 11 %, в 1921 г. жители западнорусских городов в общей численности населения региона составляли 11,3 %, в 1931 г. – 11,8 %. При этом надо учитывать, что в 1920–1930-е гг. количество населенных

пунктов с городским статусом в регионе значительно увеличилось: накануне Первой мировой войны их насчитывалось 19, в 1931 г. – 39 [16, л. 80–84]. Помимо прочего это означало, что города не могли принять избыточного сельского населения и тем самым не способствовали решению проблемы аграрного перенаселения в регионе, актуальность которой постоянно возрастала. Таким образом, в 1920–1930-е гг. городские поселения не выполняли еще одной из своих основных функций. Трудоустройство польских колонистов в органах государственной администрации, на крупных предприятиях и общественных работах окончательно закрывало преимущественно сельскому белорусскому большинству дорогу в города [8, с. 64, 176–177].

Западнорусские города также не являлись центрами культуры для сельской округи. Они не были белорусскими по своему национальному составу (в соответствии с нашими расчетами, в 1931 г. примерно 45 % жителей западнорусских городов были евреи, 33,5 % – поляки, 15 % – белорусы, 4,3 % – русские, 0,7 % – украинцы [16, л. 86–89]), в культурном плане резко отличались от белорусской деревни и мало соприкасались с ней. Отсутствие высших учебных заведений, недостаточное количество начальных и средних школ даже по сравнению с потребностями городских жителей, полонизация школы делали обучение в городах труднодоступным для сельского населения. Это был еще один фактор, влиявший на обособление города от деревни.

Описанные характеристики городов Западной Беларуси были тесно связаны с результативностью усилий польских властей по полонизации региона. Именно города стали центрами полонизации: в них концентрировались польские образовательные и культурные институты, оседала основная часть польских чиновников, военнотружеников, интеллигенции, прибывавших из этнически польских земель.

В то же время влияние полонизаторской политики лишь в незначительной мере распространялось за пределы городов. На фоне невыполнения многих экономических функций, национальной и культурной разобщенности с сельской округой города не стали проводниками влияния польской культуры на белорусскую деревню. Один из активистов Польской школьной матицы

Ф. Лещеловский в 1939 г. утверждал, что полесские города в своем большинстве не являются центрами польской культуры и не проецируют ее на деревню: «В некоторых городах и местечках Полесья крестьянин еще до недавнего времени встречался с польской культурой только в школе и администрации» [Цит. по: 17, с. 169].

Заклучение

Таким образом, на фоне экономической отсталости региона западнобелорусские города лишь в незначительной степени исполняли свои функции торгового, промышленного и культурного центра сель-

ской округи, оставаясь в основном административно-политическими образованиями, что ограничивало их роль проводника польского влияния на белорусское сельское население. Перспективы развития городов Западной Беларуси в межвоенное время практически отсутствовали. Источники дохода муниципальных органов были крайне ограничены, их не хватало на какие-либо масштабные начинания. Государственные инвестиции были незначительными, частный капитал также обходил регион стороной. Такая ситуация, по сути, исключала возможность успешного развития городов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Odlanicki-Poczobutt, St. Województwo Nowogródzkie / St. Odlanicki-Poczobutt. – Wilno, 1936. – 498 s.
2. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1935. – 59 s.
3. Rewieńska, W. Miasta i miasteczka w północno-wschodniej Polsce / W. Rewieńska. – Wilno : Uniw. Stefana Batorego, 1938. – 144 s.
4. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 238 s.
5. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 282 s.
6. Mały rocznik statystyczny. 1937. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1937. – 401 s.
7. Mały rocznik statystyczny. 1938. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1938. – 406 s.
8. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1963. – 208 s.
9. Gosudarstviennyj arkhiv Brianskoy oblasti. – F. 1. Op. 2. D. 213.
10. Oddłużenie samorządu terytorialnego. Sprawozdanie Centralnej komisji oszczędnościowo-oddłużeniowej dla samorządu. – Warszawa : Druk. Państw., 1937. – 142 s.
11. Zjazd miast województw wschodnich (Wileńskie, Nowogródzkie, Wołyńskie i Poleskie). II. Pamiętnik, uchwały, rezolucje. – Wilno : Druk. Zarządu Miejskiego w Wilnie, 1937. – 80 s.
12. Mały rocznik statystyczny. 1935. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1935. – 278 s.
13. Mały rocznik statystyczny. 1939. – Warszawa : Gł. Urząd Statyst., 1939. – 424 s.
14. Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich // Rocznik ziem wschodnich. 1938 / pod red. E. Rülego. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziemi Wschodnich, 1937. – S. 196–215.
15. Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziemi Wschodnich, 1937. – 28 s.
16. Darkovich, A. L. Gorodskoje samoupravlenie na zapadnobieloruskikh zemliakh miezh-vojennoj Pol'shi (1919–1939 gg.) [Elektronnyj riesurs] : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03 / A. L. Darkovich ; In-t slavianoviedienija RAN. – M., 2016. – 310 l. – Riezhim dostupa: <https://inslav.ru/event/-darkovich-aleksandr-leonidovich-gorodskoe-samoupravlenie-na-zapadnobeloruskikh-zemlyah>. – Data dostupa: 20.08.2019.
17. Vabishchevich, A. M. Nacyjanal'na-kul'turnaje zhyccio Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hh.) / A. M. Vabishchevich. – Brest : Vyd-va BrDU, 2008. – 319 s.